

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Иллюстрация на переплете
Филиппа Барбышева

Чиж, Антон.

Ч-59 Выгодный риск : [роман] / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-108273-4

В центре ретродетектива Антона Чижа вновь гениальная воровка Агата и чиновник московского сыска Алексей Пушкин. На этот раз на долю Агаты выпадет множество серьезных испытаний: верная слову, она по зову подруги приезжает из Ниццы, куда уехала, казалось бы, навсегда в надежде забыть холодного Пушкина, в Москву на Масленицу, чтобы помочь дочери владельца страховой фирмы Валерии Алабьевой отомстить за гибель матери. Но оказывается, что образ молоденькой неопытной девушки обманчив и за ним скрывается расчетливая и умная интриганка — которая, впрочем, и сама в результате полатится за то, что слишком много тайн сумела раскрыть и лихо распоряжалась судьбами людей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108273-4

© Чиж А., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

При страховании жизни вычисление размера страховой премии опирается на закон постепенного вымирания людей и на основаниях роста капитала на сложных процентах.

Инструкция для врачей по страхованию жизни.

Варшава, 1893

**29 мая 1893 года, суббота,
летний сезон на Лазурном берегу**

• 1 •

— Чисто французская мелочная подлость... Нет, хуже: безмерная глупость, — сказала мадемуазель, распахивая утренний выпуск *La gazette des étrangers** так резко, что хрустящая бумага, пахнувшая типографской краской, издала хлопок. — Прочли эту пакость, баронесса?

Дама, к которой относился порыв эмоций, обычно газет не читала. Ни утренних, ни вечерних, ни французских, ни даже английских. Ничего полезного для нее газеты не могли напечатать. Но в этой колонке городских происшествий, на которую указывала рассерженная мадемуазель, бросился в глаза жирный заголовок, сообщавший о внезапной кончине месье *Saratoffsky*, состоятельного русского туриста. Новость была крайне неожиданна и, к сожалению, меняла ее планы окончательно.

— Странно, — проговорила она, думая о неприятности, которая свалилась так внезапно.

— О нет, не странно... Это преступное бездействие!

— Вы слишком горячитесь, милая Валерия, на нас уже обращают внимание, — мадам коснулась ее руки, но девушку это не успокоило.

* «Газета иностранцев», одна из городских газет Ниццы.

— Мне безразлично, что подумают господа и дамы, оплывшие от лени, — проговорила она, держа газету раскрытой. — Тем более никто из них не понимает по-русски...

На всякий случай баронесса оглянулась. В час после завтрака в ресторане Hôtel des Anglais*, одного из лучших в Ницце, а потому выбираемого не только богатыми англичанами, но куда чаще приезжими русскими, посетителей было немного.

— Тут проживают наши соотечественники...

— Прекрасно, пусть узнают правду о хваленой французской полиции. Меньше будет иллюзий. А то воображают себе гениальных Лекоков, защитников закона и справедливости, а на деле — натуральные... — Валерия вставила словцо, которого московский извозчик постесняется.

Сочетание юного личика и крепкого выражения казалось чрезвычайно милым. Однако баронесса намурлила точеные бровки.

— Милая, с нами ребенок, такие выражения недопустимы...

Ребенок десяти лет, о котором тревожилась мадам, восседал на другом конце столика, держа на коленях банку-морилку, в которой умирала бабочка. За мучениями насекомого мальчик следил сосредоточенно, как будущий ученый. К окружающему миру был безразличен.

— После трагедии Матвей перестал реагировать на звуки, — проговорила Валерия, не отрываясь от газеты. — Мой бедный брат немой, так его сделали глухим...

— Простите, я не знала...

* «Отель англичан».

— Вы ни в чем не виноваты... Но они... Как они могли... — Валерия ткнула пальцем в небольшую заметку внизу газетной полосы. — Так читали это?

— Еще не успела...

— Тогда послушайте... — Мадемуазель сложила газету вдвое и еще согнула пополам, чтоб новость в черной рамке оказался перед ней. — «Несчастье в семье русского туриста. Как нам сообщают, в семье месье Alabueff, гостя из Москвы, произошло печальное происшествие. Мадам Alabueff отправилась купаться на пляж и была найдена мертвой у кромки прибоя. Расследование, проведенное нашим уважаемым комиссаром Лелюшем, показало, что мадам не умела плавать, не справилась с волнами и утонула. Это событие еще раз указывает городским властям на необходимость завести на пляжах специальных сторожей для спасения утопающих. От лица редакции выражаем соболезнование месье Alabieff. Надеемся, что прискорбное событие не испортит летний сезон нашего курорта».

Валерия скомкала газету, как снежок, и швырнула под стол.

— Их летний сезон беспокоит... Фамилию и ту переврали, — проговорила она, сложив руки, как ученица. — Наш уважаемый комиссар Лелюш провел расследование! Наблюдала я это расследование: глянул на тело и отвернулся. Вот и все расследование! Мерзкий французский навозный флик...*

Горе мадемуазель было глубоко. Надо иметь ледяное сердце, чтобы не сочувствовать ему. Что-что, а сердце у баронессы было отзывчивым. Особенно к юным барышням, которым жизнь внезапно показала козью морду.

* Оскорбительное прозвище французских полицейских: муха.

— Трагическая случайность... Море, волны, пустой пляж...

— Не было никакой случайности, — сказала Валерия, неподвижно глядя в стол. — Мама умела плавать. Не слишком хорошо, но умела. Тупейший комиссар Лелюш даже не спросил об этом. Она не могла утонуть. Шторма не было, обычное волнение.

— Расскажите, расскажите, милая, что случилось в тот день. — Баронесса уже трижды слышала эту историю, но иногда помощь заключается в том, чтоб выслушать чужое горе опять и опять.

— Было чудесное утро... Мы сели в саду играть в «Гусика». Играли втроем: я, Матвей и мама... У нее было прекрасное настроение, она шутила, смеялась... Выиграла у нас, хотя на одном ходе попала на поле «смерть» и вынуждена была начинать игру сначала... Но в последующих ходах обогнала меня и Матвея... Она сказала, что хочет искупаться, освежиться... Я просила взять нас с собой, она не разрешила. Уверяла, что вернется очень быстро... Прошел час, ее все не было... А потом ее принесли какие-то чужие люди на простыне — мокрую, волосы спутаны на лице, глаза неподвижные... Принесли нашу маму... Нашу любимую маменьку...

Валерия зажмурилась так, что лицо собралось в гримасу. Сейчас нельзя было ни утешать, ни жалеть. Девушка должна сама пережить боль.

Со дня гибели матери Валерия сильно изменилась. От яркой, веселой, блестящей барышни, на которую заглядывались мужчины на улочках Ниццы, не осталось ничего. Она надела глухое черное платье, собрала волосы в тугий пучок на затылке, перестала пользоваться тушью, румянами, помадой. Лицо обрело серый, нездоровый оттенок. Выплаканные глаза

покраснели прожилками. Валерия как будто повзрослела лет на десять.

— Комиссара Лелюша не заинтересовало главное, — продолжила она.

— Что же он упустил?

— Маменька пошла на пляж не для того, чтобы купаться...

Баронесса взяла ее тонкую холодную ручку в свои ладони.

— А для чего же?

— Я уверена: у нее была встреча. Ей должны были сообщить нечто исключительно важное. Быть может, секретное...

— Предполагаете, о чем могла идти речь?

— Она не желала, чтобы об этом знали даже мы. Хотела сохранить в тайне. Но ее убили... Там, на пляже...

— Милая, это слишком серьезное... предположение.

— Никаких предположений, — Валерия улыбнулась. — Я знаю наверняка...

— Неужели? Тогда почему не сообщили полиции?..

— Наш дорогой комиссар Лелюш должен был искать ответ на простой вопрос: кому выгодно?

— Это абсурд... Кому может быть выгодна смерть вашей матери...

— Посмотрите туда.

Баронесса повернула голову, куда указали кивком.

За дальним столиком восседал крупный господин с суровым, если не сказать, мрачным лицом. Дама рядом с ним казалась миниатюрной. К ним подошел худощавый молодой человек, одетый модно и со вкусом, поклонился, ему предложили сесть рядом. Лично господину Алабьеву баронесса не была представлена.

Однако знала, кто он и чем занимается в России. Его семейство в Ницце снимало виллу на берегу.

— Простите, милая, я вас не понимаю.

Валерия так резко сжала руку, что баронесса вздрогнула.

— Убийца сидит у всех на виду и радуется жизни.

— Вы обвиняете своего отца?

— Нет, не обвиняю. Он сам себя обвиняет.

— Да что же такое вы говорите?

— Я вам не рассказывала, но мы с Матвеем дети от второго брака... От первого — старший брат Кирилл, вон он, сидит около отца. Знаете, как погибла его мать, первая жена нашего отца?

Предположение баронесса удержала при себе.

— Она утонула в пруду, — продолжила Валерия. — В ясный солнечный день... В дачном пруду... Урядник оформил несчастный случай. А что же наш добрый отец? Он получил страховку по факту смерти жены. Потом женился на нашей маме, она принесла в приданое капитал, на который он развернул дело. И вот у него есть все... Что любопытно: жизнь нашей мамы тоже была застрахована. Угадайте, кто получит страховую премию после ее смерти? Почему об этом не спросил комиссар Лелюш?

Ответ был столь очевиден, что не следовало производить вслух.

— Ваш отец — богатый человек, — сказала баронесса. — Неужели ради страховки он пойдет на... такое?

— Деньги, — Валерия недобро улыбнулась. — Отец любит деньги. Копит их, бережет. Но главная причина рядом с ним. Симпатичная у нас будет мачеха, не правда ли? Молоденькая. Свежая... Наверное, старше меня года на два... Милая Лидия... Утешает папеньку в горе... Заметили, в каком горе он пребывает?

Баронесса смолчала: ни траура, ни скорби у господина Алабьева заметно не было. Во всяком случае, издалека.

— Как там Гамлет говорит о своей матери: «И сапоги еще не износив», кажется... А папенька похоронил старую жену и спешит жениться на молоденькой... Третьей... Не удивлюсь, если будет четвертая... Прудов и рек, где можно случайно утонуть, предостаточно.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно, чтобы этому верить. При этом не разжала пальцы. Баронесса еле терпела боль.

— Милая, вам надо успокоиться. — Она с усилием освободила руку. — И смириться. Ничего не поделатъ. Постарайтесь простить, если есть за что... Найдите себе достойную партию, выходите замуж, живите своей семьей. И забудьте... Забудьте все...

— Забыть... Смириться... Успокоиться... Я успокоюсь, только когда убийца понесет наказание. — Валерия повернулась и молитвенно сложила ладони. — Дорогая баронесса фон Шталь! У меня никого нет... Мне не от кого ждать помощи... Матвей мал и болен, Кирилл тюфяк и рохля... Помогите мне... Помогите... Вы — моя единственная надежда!

Можно было ожидать чего угодно, но только не подобной просьбы.

...Они познакомились недели три назад почти случайно на набережной и сразу сдружились. Баронесса увидела в яркой барышне себя, только лет на шесть младше. Когда училась нехитрой премудрости управлять мужчинами. Валерия понравилась не только красотой, но редким для юной девушки умом и рассудительностью. Они стали встречаться и весело проводить время. Валерия просила советов опытной женщины, баронесса делилась, порой излишне откровен-

но и щедро... Для совместных прогулок по Promenad des Anglais* с Валерией она выбирала простое платье и скромную прическу. Чтобы красота молодости немного скрывала ее от мужского внимания. Незаметно Валерия стала ее близкой подругой. Баронесса пару раз одалживала ей свой паспорт, чтобы юная подруга могла съездить в казино Монте-Карло, куда не пускали несовершеннолетних барышень. Заходить в городское казино Ниццы Валерия боялась, чтоб не встретить брата или отца, который не одобрил бы поведение дочери.

— Чем я могу вам помочь? — спросила баронесса, предугадывая ответ. — Неужели вы задумали...

Валерия мотнула головой:

— Не собираюсь убивать отца. Пусть его судит высший суд. Но проучить... Проучить так, чтобы запомнили... Вы мне поможете?

— Дорогая, я готова сделать для вас все, что в моих силах, но обстоятельства складываются так, что сегодня я должна уехать...

Новый удар Валерия приняла достойно. Не стала ни умолять, ни упрекать.

— Хорошо, тогда после... Время есть. У меня оно в достатке... Надо хорошо подготовиться... Когда мы вернемся в Москву... Осенью или зимой. Я все равно не успокоюсь, пока не доведу дело до конца. Вы не бросьте меня?

Нельзя было оставаться равнодушной к такой мольбе. Баронесса обещала, что приедет в Москву по первому зову, но не раньше весны следующего года. И дала адрес, на который можно прислать для нее телеграмму.

* Английская набережная.

Валерия порывисто обняла фон Шталь и расцеловала в обе щеки. Что было вызывающе неприлично для общественного места.

Отодвинув стул и подав знак Матвею, чтобы остался на месте, Валерия неторопливо подошла к столику, за которым сидел господин Алабьев с сыном и молодой дамой. Взяв чашку мадемуазель Лидии, она плеснула в лицо отцу. Черная жижа потекла по белоснежной сорочке.

Баронесса наблюдала, как сжался Кирилл, как изумление застыло на лице хорошенькой спутницы Алабьева, как замер официант с подносом, как Валерия саданула чашкой об пол и повернула назад, будто ничего не случилось.

В спину ей летел рев:

— Вон с глаз моих, мерзкая дрянь!

Посетители ресторана с интересом наблюдали сцену, которую устроили русские туристы. Наверняка заметка о происшествии попадет в завтрашнюю газету. Баронесса еще подумала, что слишком легкомысленно дала слово. От Валерии можно ждать чего угодно: ум с красотой — смесь взрывоопасная. Особенно у юной барышни.